

К 100-летию начала Первой мировой войны

Продолжение.
Начало в № 3

ГЛАВА 6
В пленау

А в Балакове за попустительское отношение к пленным пострадал местный полицейский пристав Тедерс. Его даже обвинили в шпионаже. Но доказательств не нашли и просто отправили в отставку.

С июня 1915-го у «офицерского» здания выставили караул, а потом офицеров и вовсе вывезли в губернские города Саратов и Самару – под более строгий надзор. Усилилось наблюдение и за нижними чинами. Вывозить их никуда не стали, но передвигаться по городу они теперь могли только группами, только под конвоем и только на общественные работы. Кстати, и общественные работы для военнопленных были введены не сразу. Поначалу их привлекали (в основном для работы в полях) только по желанию, а затем была введена «обязаловка». Причём «борьба» за пленных между желающими воспользоваться их трудом развернулась нешуточная. За них даже стали давать взятки чиновникам Николаевской уездной земской управы, которая занималась их распределением. Эта скандальная история стала объектом внимания «Саратовского листка»:

«Крестьяне Николаевского уезда, отказавшись в марте от использования труда пленных при полевых работах в июне, когда виды на урожай выяснились и обещали хороший сбор хлеба, стали осаждать земскую управу заявлениями о желании взять пленных. В течение июня заявлений поступило более чем на 5000 пленных. Но вот наступил и июль. В уезде приступили к уборке ржи. Выяснился недостаток рабочих. Крестьяне бросились в Николаевск за пленными. Помещение земской управы и двор при ней недели две буквально были забиты крестьянами, солдатами и землевладельцами. Пленные же поступали небольшими партиями в 150–200 человек: на каждого пленного приходится по 2–3 просителя. Некоторые из крестьян и солдаток жили по 4–5 дней в

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)

Плакат времён
Первой мировой
войны

городе и со слезами на глазах просили управу дать пленных, указывая, что если пленных не дадут, то хлеб останется неубранным.

Скоро из города и уезда пошли слухи, что в земстве некоторые из служащих агрономического отдела, ведавшего распространением пленных среди нуждающихся в них, берут взятки. Эти слухи дошли и до членов управы. Они стали присматриваться к распространению пленных и заметили, что сплошь и рядом получают пленных те, кому уже было отказано, а те, кому пленные были назначены, уезжают без них. Опросив таких лиц, они выяснили, что за пленных были даны взятки. Члены управы гг. Дворянчиков и Цыганов выехали: первый – в с. Таволожку, второй – в с. Пестравку, и там, на месте установили несколько фактов получения пленных за взятки, вручённые служителям агрономического отдела. О результатах поездки они сообщили председателю управы г. Рослякову. Г. Росляков, пригласив агронома В.И. Бородина в свой кабинет, сообщил ему о результатах расследования управы. Агроном здесь же передал г. Рослякову 125 р., из которых 100 р. он получил за пленных с землевладельца Меркульева и 25 р. с крестьянина с. Каменной Сармы г. Курмаева. Председа-

тель предложил Бородину немедленно подать в отставку, что тот и сделал.

Полученные же от г. Бородина 125 р. управа постановила передать уездной елизаветинской комиссии (Елизаветинская комиссия – это представительство Елизаветинского комитета, благотворительного общества, созданного Елизаветой Фёдоровной, сестрой императрицы Александры Фёдоровны, для помощи больным и раненым воинам и сиротам).

С октября 1915-го пленных начали привлекать и для работы на балаковских военных заводах. Первым, кто это сделал, стал Яков Васильевич Мамин. Ему разрешили выбрать нужных специалистов (токарей, слесарей и кузнецов) из военнопленных, которые содержались в Вольске. Поначалу заводовладелец был ими доволен, но затем с новыми работниками возникли проблемы: они потребовали улучшения их содержания и снабжения продовольствием. И снова открываем «Саратовский листок»:

«С рабочими военнопленными, взятыми на завод Я.В. Мамина, дело идёт не совсем ладно: обе стороны являются недовольными, и разрешить, на чьей стороне правда, со стороны очень трудно. Следовало бы это сде-

лать местному военно-промышленному комитету, в распоряжение коего военнопленные были высланы, но он под разными предлогами пока от этого уклоняется. Стороной приходится слышать, что пленные рабочие главным образом недовольны тем, что владелец завода платит им слишком мало сравнительно с русскими рабочими (лучшеому рабочему он платит 1 р. 40 к. в день, а есть и получающие всего 80 к.), причём из этих денег вычитается за содержание с квартирой почти 50 к. в день, да 20 к. в казну.

Я.В. Мамин говорит, что расценка рабочих-пленных сделана им правильно, что вернее им платить нельзя и что у него, например, имеются рабочие такого же достоинства из военнообязанных и получают столько же и не жалуются.

Нельзя не признать аргументы г. Мамина весьма слабыми: уж не говоря по сравнению с военнообязанными (этих можно заставить и даром работать), не выдерживает никакой критики. Самый размер платы в 80 к. в день по нынешним временам является каким-то анахронизмом. Сейчас за эту цену у нас не найдёшь на несколько часов рабочего, чтобы снег чистить, да, наконец, нигде на других заводах такой низкой платы нет и, например, на заводе «Муравей» даже женщины, делающие самую простую работу, получают по 1 р. в день.

Я.В. Мамин, когда ему на это указывают, обыкновенно отвечает, что другие заводы не указ и что он больше платить не желает. Вообще нашему военно-промышленному комитету необходимо на это дело обратить серьёзное внимание и предпринять одно из двух: или отобрать у Я.В. Мамина всех рабочих-военнопленных, как его неудовлетворяющих, или же предоставить Я.В. Мамину урегулировать цены на рабочие руки военнопленных, но уж, во всяком случае, не приумножать свои барыши на счёт недоплаты рабочим, тем более таким, которым трудно против этого протестовать».

Юрий КАРГИН
Продолжение следует